Алексей Фирсов.

Оригинал статьи на Ura.ru

Следующий год пройдет под знаком подготовки к президентским выборам. Считается, что одна из главных задач, которую придется решать политтехнологам, – это повышение явки и возвращение интереса населения к политике, формирование новой позитивной повестки. О том, что произошло с российским обществом за этот год и с каким электоратом предстоит работать власти в 2017 году – в интервью председателя Комитета по социологии РАСО Алексея Фирсова.

– Как бы вы, как социолог, оценили то, что происходило с российским обществом за этот год? Можно сказать, что оно стало чуть спокойнее: меньше обиженных и оскорбленных, меньше агрессии в отношении людей из другого лагеря?

Я думаю, что контуры лагерей стали менее очерченными, менее жесткими. Идеология не играет такой роли, как еще пару лет назад, крайние формы маргинализовались. Не то чтобы холодильник победил телевизор… Но телевизора в головах стало чуть меньше или он стал менее навязчивым. Идеологический ресурс украинских событий, ресурс Крыма, был уже в значительной степени израсходован, а новый не появился.

– Скандалы вокруг ловли покемонов в храме (Руслана Соколовского даже арестовали) или обливание мочой фотографий на выставки Джока Стерджеса – кажется, что количество таких инцидентов в этом году было гораздо меньше. Ушел с медиаполяны православный активист Дмитрий Энтео, Виталий Милонов перестал быть звездой, байкера Хирурга осаживает пресс-секретарь президента Дмитрий Песков – повестка агрессивной защиты скреп исчерпана?

Алексей Фирсов, председатель Комитета по социологии РАСО
Фото: Владимир Андреев © URA.Ru

— Да, появилась разновекторность реакций, что говорит об отсутствии среди элиты политического консенсуса. Яростная защита скреп в духе **Хирурга** или **Михалкова** стала восприниматься с определённым модусом иронии, а ирония — это начало коррозии прежней конструкции. Ирония вообще губит империи. Новых идей внутри прежней консервативной парадигмы не появляется (на то она и консервативная). Но мобильность мира возрастает. И, чтобы адекватно отвечать миру, нужны уже не стершиеся персонажи, весь дискурс которых уже считан, а новые лица и новые мысли. Ошибочно ввиду нескольких неверно истолкованных индикаторов русский народ считают консервативным. Но это такая консервативность, которая в любой момент может изнутри взорваться, в котором сжата огромная энергия модернизма. Весь 20 век говорит об этом.

— Эффект от присоединения Крыма продолжает работать?

Крым стал повседневностью. В мобилизационном плане эффект от его присоединения практически исчерпан. Но он сильно изменил восприятие страны своим населением. Для большинства граждан присоединение Крыма стало историческим действием. Проявлением субъектности, как любят говорить политологи. Присоединение новой территории — вообще событие для нынешнего мира уникальное; для России, которая, в глазах населения, все последние десятилетия сдавала позиции, оно было воспринято как точка Большого Поворота.

Однако поворот произошел, а пейзаж существенно не изменился; из буфета пропал сыр, стал дороже коньяк, но те же березки

за окном. В общем, быт – злейший враг любого героизма. **Маяковский** ещё это хорошо отметил: «…Самовар кипит со свистом, граммофон поёт романс, два знакомых коммуниста подошли на преферанс».

– Можно ли вообще говорить, что в этом году у российского общества появился запрос на новую повестку? Какую? Насколько можно утверждать, что произошло переключение интереса с внешней политики на внутреннюю?

Яростная защита скреп в духе Хирурга стала восприниматься с иронией, считает социолог
Фото: Александр Мамаев © URA.Ru

Я бы оценил состояние как транзитное. Переключатель щелкает то в одну, то в другую сторону; строгой границы между внешней и внутренней политикой нет. Если говорить о повестке, то нации нужен образ будущего. Кто мы на глобальной карте? Какую систему ценностей мы несем? Какой видим свою страну? Чем мы станем через 20-30 лет, когда технологии радикально изменят социум? В чем наши конкурентные сильные стороны? Почему нас никто не любит? Есть ли жизнь после Путина и если есть, то какая она? Длинный ряд вопросов. Идеологическая машина должна работать на образ будущего. Прошлое исчерпаемо. Приходится откапывать **Ивана Грозного** и других персонажей. Все идет в топку, все превращается в дрова.

– Как изменилось, на ваш взгляд отношение людей к войне в Сирии? Год назад мы проводили концерт в Пальмире, были ежедневные репортажи с места войны. В этом году в Пальмиру снова пришли террористы, война продолжается. Фиксируется ли усталость у населения от этой темы?

Я думаю, это синдром привыкания и общей вязкости ситуации. Блицкриги эффектны. А растянутая, беспросветная история становится просто фоном повседневности. Опять же, ясного ответа на вопрос, зачем нам вообще эта кампания, не прозвучало. Народ горячо поддержал начало операции в Сирии, народ горячо поддержал окончание операции в Сирии, народ поддержал возобновление операции в Сирии… Это говорит лишь о том, что Сирия для народа просто кинокартина.

— В этом году социологи по-прежнему фиксируют, что главный предмет гордости россиян — возвращение отечества на позиции великой державы. На ваш взгляд, откуда такая мечта у российского общества? Это естественно для всех народов или это наша особенность?

— Это, конечно, свойство только тех народов, у которых есть основания претендовать на величие. И у нас они есть. Здесь ключевой вопрос в том, что означает быть великим. Вот здесь весь узел проблем. Например, особенность современной великой державы — это передовые технологии. Которые в ближайшие десятилетия радикально изменят социум. Но много ли у нас говорят о технологиях? Великие нации — это проекция на будущее. Есть ли у нас картина будущего? У нас только кубики переставляют: либерализм, консерватизм, Трамп, Путин, геополитика. Кубическое, сконструированное из простых понятийи сознание.

— Одно из самых главных политических событий прошлого года — выборы в Госдуму, которые прошли при рекордно низкой явке для России. Почему, на ваш взгляд?

Потому что нет мобилизационных идей. Ландшафт социума к моменту выборов стал унылой равниной.

— Почему при этом к выборам США было приковано такое внимание россиян? И Трамп воспринимался чуть ли не российским политиком?

— Российской элите настолько удалось приковать внимание

населения к этим выборам, что народ и впрямь начал думать, что США – это государство номер один на планете. Но реально интерес понятен: есть ощущение зависимости нашей ситуации от позиции США, и в американских выборах проявилась реальная интрига, которая послужила компенсаторным механизмом для отсутствия интриги в нашем собственном политическом пространстве. То есть мы перенесли за океан политическую энергию, которую не реализовали дома. Перенесли чувство политической игры.

– В этом году исполнилось пять лет с момента Болотных протестов. Все воспоминания происходили в формате панихиды. Когда оппозиция обвиняет российское общество в пассивности, отсутствии гражданского самосознания, в этом есть доля правды? Опросы этого года показывали, что российский гражданин признает, что санкции бьют по карману, но при этом выступает за продолжение такой политики в отношении Запада, признает ухудшение экономического положения, но при этом говорит, что страна идет в правильном направлении – почему?

Президентские выборы в США на время заменили политическую интригу внутри России
Фото: depositphotos.com © URA.Ru

– Оппозиции, чтобы делать такие обвинения, надо самой предложить вначале внятную программу и харизматичное лидерство. Вообще, обвинять общество в собственной мизерабельности – плохой тон. Впрочем, гражданское сознание действительно слабое, это историческая черта. Альтернативой протесту в России является бунт, который вряд ли случится. Но может произойти другая неприятная вещь – всем может стать

просто пофиг. Возникнет синдром полного равнодушия, не менее сильный по своим негативным последствиям.

Не думаю, что санкции смогут активировать протестную волну. Скорее эффект будет обратным. Вообще история с санкциями со стороны Запада представляется ошибочной, она вызвала совершенно обратный эффект. Она лишила российскую элиту ментальной зависимости от Запада, и она сформировала резко антизападные настроения у населения.

— Тема наследия 90-х продолжает оставаться конфликтной: это мы увидели на примере скандала вокруг Ельцин Центра. Почему общество так болезненно относится к вопросам истории?

90-е не являются историей, это до сих пор актуальное настоящее, потому что ими оперируют, с ними спорят, по ним ностальгируют. История — это отсутствие прямых и эмоционально переживаемых причинно-следственных связей с текущим моментом. В этом смысле Ельцин Центру повезло: благодаря последним событиям Б. Н. Ельцин остается актуальным политиком. Он влияет на общественную среду.

— Еще одна важная тема этого года — борьба с коррупцией: арест бывшего губернатора Кировской области Никиты Белых, миллиарды полковника милиции Дмитрия Захарченко, арест министра экономики Алексея Улюкаева. Как эти события, на ваш взгляд, отражаются в сознании российского общества? Как торжество справедливости или как ужас от осознания масштабов и уровня коррупции?

— Думаю, здесь нет противоречия. Вообще, «все воруют» — это сложившийся, глубокий стереотип. Поэтому коррупционные дела никак не влияют на рейтинг власти. Русский бог воровство за грех не считает. Вообще антикоррупционная кампания — еще далеко не реализованный ресурс власти. Будут новые победы, будут новые бойцы.

— В этом году продолжались теракты в Европе, произошло убийство российского посла в Турции — то ощущение

беззащитности человека, которое порождают подобные трагедии, во что оно может трансформироваться в рамках массового сознания? И как этому противостоять?

— Это странное состояние, когда вроде бы должно последовать немедленное действие, реакция, но ее нет и, по сути, она невозможна. Так было, к примеру, и со взорванным в Египте лайнером, со сбитым истребителем в Сирии. Возникает пустота, смысловой вакуум. В целом задача власти — уметь держать эту паузу, не идти следом за общественными эмоциями, канализировать их в нерадикальные формы. Думаю, эта задача властью эффективно решается.